

Раскаты глухого, затяжного грома наконец разорвали предгрозовую тишину.

Крупные дождевые капли с грохотом обрушились на оконное стекло. Этот стук гулко отдавался в висках Сяо Хана, мешая сосредоточиться.

Хан Сычжоу всё ещё лежал на нём. Он пытался выглядеть высокомерным завоевателем, но покрасневшее лицо и влажный, хмельной взгляд выдавали его с головой. В воздухе стойко пахло алкоголем, этот дурманящий аромат словно заполнял всё пространство вокруг. Сяо Хан почувствовал, как пересохло в горле. Интуиция подсказывала: Сычжоу нельзя позволять заходить дальше.

Он приоткрыл губы, собираясь что-то сказать, но слова застряли в горле — да и о чём говорить с пьяным? А Хан Сычжоу, судя по всему, останавливаться не собирался.

И правда, отступить Сычжоу не думал. Впервые в жизни он подмял Сяо Хана под себя, и на вечно бесстрастном лице заклятого врага отразилось явное сопротивление. Это упоительное, совершенно новое чувство заставило кровь Сычжоу бурлить от азарта.

Заметив, что Сяо Хан собирается заговорить, Сычжоу мгновенно насторожился.

«Опять начнёт спорить и перехватит инициативу!» — мелькнуло в голове.

Упустить с таким трудом завоёванное преимущество? Ну уж нет.

— Не смей мне отказывать!

Хан Сычжоу резко наклонился и заткнул его поцелуем.

Сяо Хан замер. Его горло судорожно дёрнулось, и он глухо зарычал:

— Хан Сычжоу!

Но подстрекатель лишь довольно усмехнулся, неохотно отстранившись от его губ. В этот момент хмель и азарт окончательно затмили разум. Сычжоу во все глаза смотрел на своего соперника. Тот хмурился, в его тёмных глазах горела неподдельная ярость.

Таким Сяо Хана он ещё никогда не видел. Обычно, в какие бы передраги тот ни попадал, всегда оставался холодным и собранным, будто происходящее его не касалось. Оказалось, вывести его из себя — проще простого.

Зажав лицо Сяо Хана ладонями, чтобы тот не смел отворачиваться, Сычжоу принялся целовать

его снова и снова. В глаза, в переносицу, в губы, в подбородок — не пропуская ни единого уголка.

Пальцы Сяо Хана до боли впились в его талию, но Сычжоу даже не заметил этого. Сейчас он чувствовал себя диким котёнком, который только что выиграл драку. Он упивался своим превосходством, безраздельно властвуя сверху и творя с побеждённым всё, что вздумается. Ему хотелось смутить Сяо Хана ещё сильнее, лишить его последней защиты.

— Ну же, будь хорошим мальчиком... — прошептал Сычжоу, почувствовав, что Сяо Хан снова пытается его оттолкнуть.

Голос сорвался на хриплый, прерывистый шёпот, и эта слабая угроза прозвучала скорее как ласка. Закрепляя успех, он снова наклонился, покрывая его лицо неторопливыми поцелуями.

В комнате снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь буйством стихии за окном. Очередная вспышка молнии разорвала темноту, на мгновение залив спальню ярким белым светом. Этот отблеск обнажил всю уязвимость Сычжоу: его припухшие влажные губы, пунцовые щёки и блестящие глаза, полные лихорадочного торжества от исполненного желания.

Свет погас, комната вновь погрузилась во мрак, но Сяо Хан уже не мог развидеть этот образ. Он отпечатался в его памяти слишком глубоко.

Ощувив под ладонями нежную, разгорячённую кожу, Сяо Хан крепче сжал объятия. Сомнения отпали. Перехватив инициативу, он приподнялся и грубо, требовательно поцеловал его.

Раз уж Сычжоу так хочется быть сверху... что ж, пусть будет по его желанию.

Гроза бушевала до глубокой ночи, и всё это время под аккомпанемент дождя Хан Сычжоу штормило не меньше. На следующее утро привычка взяла своё, и ровно в семь часов он открыл глаза.

По привычке он попытался повернуться, чтобы нащупать телефон, но резкая боль во всём теле заставила его замереть. Сычжоу уставился на люстру тоскливым, полным отчаяния взглядом.

Он с досадой осознал, что у его амнезии обнаружился странный побочный эффект: мало того что он помнил свои сны, так ещё и пьяные безумства теперь отпечатывались в памяти во всех подробностях.

Вчерашняя ночь стояла перед глазами пугающе чётко. То, как он взгромоздился на Сяо Хана, как нагло целовал его... и то, как этот мерзавец потом перехватил контроль.

«Чёрт возьми. Формально он действительно оказался сверху, но разве об *этом* положении я мечтал?!»

Из-за этой его «доминирующей» позы спина теперь раскалывалась так, будто он пробежал десятикилометровый марафон без подготовки. А про ноги, которые вообще отказывались служить, и говорить нечего.

«Если это настолько мучительно, почему все так помешаны на сексе?»

Хотя стоп...

О чём он вообще думает?!

Сейчас нужно не философствовать, а придумать, как посильнее отчитать Сяо Хана за вчерашнее самоуправство и за то, что довёл его до такого плачевного состояния!

Тихий шорох у двери прервал его мысленный монолог. Створка медленно приоткрылась, и на пороге возник виновник всех его страданий.

Их взгляды встретились. Время словно остановилось. Ни один не проронил ни слова.

Внезапный глухой стук за окном — кажется, птица врезалась в стекло — разрушил это затянувшееся молчание.

Сяо Хан моргнул, приходя в себя, и первое, что он сделал, — нахмурился.

«Какого чёрта? Это он так встречает любимого супруга после бурной ночи?!»

Сычжоу раздражённо приподнял голову и злобно зыркнул на него:

— Чего кривишься? Недоволен чем-то?

И тут же болезненно шикнул. Вспылив, он напрочь забыл о своём плачевном состоянии, и потревоженные мышцы мгновенно отозвались острой болью.

Сяо Хан скрестил руки на груди и облокотился о дверной косяк.

— Как ты себя чувствуешь?

Сычжоу со стоном повалился обратно на подушку и огрызнулся:

— А сам как думаешь, из-за кого я в таком виде?!

Сяо Хан прищурился. Вчера под конец он действительно увлёкся и потерял контроль. Но дело сделано, и сожалений он не испытывал. К тому же Сычжоу сам напросился.

С тех пор как они подписали брачный договор, этот упрямец при каждой встрече вёл себя так, будто готов взорваться от любого шороха. Даже те редкие разы, когда они исполняли супружеский долг, напоминали обычную формальность. Сычжоу никогда не проявлял инициативы, а уж тем более не звал его «дорогим».

«Что за игру он затеял? Он же спит и видит, как бы скорее развестись. Зачем тогда устраивать эти ночные сцены?»

Сяо Хан невольно вздохнул.

— И чего ты вздыхаешь? — недовольно буркнул Сычжоу.

«Сам воспользовался моментом, а теперь ещё и вздыхает!»

Не желая выдавать свои мысли, Сяо Хан равнодушно бросил первую попавшуюся отговорку:

— Сожалею об утерянном сне.

Сычжоу нахмурился.

Сяо Хан развёл руками:

— Твоими стараниями я глаз не сомкнул до самого утра.

— Подумаешь! А я, по-твоему, спал? — вызывающе фыркнул Сычжоу.

— Ещё как, — кивнул Сяо Хан. — Богатырским сном.

Сычжоу смерил его недоверчивым взглядом.

Сяо Хан подошёл ближе и протянул ему телефон:

— Полюбуйся.

На экране проигрывалось короткое видео. Сычжоу бесцеремонно закинул ногу на чужой живот и мирно сопел. Камера медленно приближалась к его лицу, пока в кадре крупным планом не оказалась сонная физиономия с едва заметной ниточкой слюны в уголке губ.

Сычжоу едва не подпрыгнул от возмущения.

И когда только этот сухарь успел стать таким наглецом?! Да он его ещё и тайно снимает!

Потрясённый увиденным, Сычжоу напрочь забыл о своих заготовленных упрёках. А когда опомнился, Сяо Хан уже ушёл на работу.

Первый раунд их противостояния закончился полным провалом: мало того что он упустил инициативу, так ещё и сам пострадал. Сычжоу горел желанием немедленно отыгаться, но гудящие мышцы спины и ног взбунтовались при первой же попытке сесть. Пришлось капитулировать и лечь обратно.

Всё-таки ему уже двадцать семь, а не семнадцать. Тело больше не прощало ночных марафонов.

«Ладно, — утешил себя Сычжоу. — Сяо Хан никуда не денется, у меня ещё будет вагон времени, чтобы попортить ему нервы. Сейчас главное — прийти в себя».

Покрутившись с боку на бок, он наконец нащупал относительно безболезненное положение и замер. Вылив в мыслях на мужа ушат грязи, Сычжоу начал понемногу проваливаться в сон. Но тут, нарушая блаженную тишину, некстати зазвонил телефон.

На том конце провода раздался бодрый и, как всегда, чересчур весёлый голос Янь Цзяю:

— Сычжоу! Мы с Цзин Цином почти на месте. Ты выехал?

Сычжоу застыл.

«Чёрт».

Он совсем забыл, что обещал встретиться с друзьями.

Резко сев на постели, он тут же взвыл от прострелившей ноги боли. Кое-как поднявшись и держась за поясницу, Сычжоу поплёлся в душ, осыпая Сяо Хана проклятиями. При этом он напрочь забыл, что сам вчера разжёл этот пожар, а муж лишь покорно принял правила игры.

В уютном корейском гриль-ресторане Сяо Хан лениво листал меню.

— Ты уверен, что он придёт именно сюда?

За вчерашнее сорванное свидание Фу Хаоянь заставил его отрабатывать повинность — потащил устраивать «случайную» встречу со своим кумиром.

Фу Хаоянь прижался ухом к тонкой перегородке между кабинами и, расплывшись в блаженной улыбке, зашептал:

— Абсолютно! Я уже слышу его голос!

— И чем твоё поведение отличается от повадок сумасшедших фанатов? — хмуро поинтересовался Сяо Хан.

— Вообще-то я его босс! — с гордостью возразил Хаоянь. — Имею полное право быть в курсе его перемещений!

Сяо Хан лишь промолчал. Спорить с идиотом было выше его сил.

В этот момент в кабинку вошёл официант. Сяо Хан раскрыл меню, собираясь сделать заказ, как вдруг из-за стены донёсся до боли знакомый голос:

— Только давай без острого. У меня губа разбита.

Палец Сяо Хана, занесённый над списком блюд, замер.

В соседней кабине Хан Сычжоу изучал меню.

Десять лет пролетели незаметно. Янь Цзяю и Цзин Цин повзрослели, изменились внешне, но общались они всё так же тепло и непринуждённо, как в юности. Приятным сюрпризом стало и то, что их любимый ресторанчик корейской кухни до сих пор работал.

Знакомое место и близкие люди помогли Сычжоу наконец расслабиться. Поэтому, когда Янь Цзяю спросил, не взять ли что-нибудь поострее, Сычжоу ответил не задумываясь.

Не дождавшись ответа, он оторвался от меню:

— Эй, вы чего притихли?

Цзин Цин пристально разглядывал его лицо. Ещё при встрече он заметил, что губы Сычжоу выглядят непривычно яркими и припухшими. Сначала он подумал, что друг просто накрадился, опасаясь папарацци, но реальность оказалась куда интереснее.

Янь Цзяю, менее наблюдательный, простодушно спросил:

— А как ты умудрился губу расшибить?

Уголок рта Сычжоу дёрнулся.

— Собака укусила, — злобно процедил он.

Цзяю завис. Даже его наивности хватило, чтобы понять: под «собакой», посягнувшей на губы друга, скрывался вполне конкретный человек.

Цзин Цин неловко кашлянул, прерывая затянувшееся молчание:

— Ладно тебе. Ты нам и в чате уже все уши прожужжал.

— В каком смысле? — не понял Сычжоу. — Я разве жаловался, что мне постоянно кусают губы?

Цзин Цин замялся. Он не ожидал, что Сычжоу пропустит намёк мимо ушей. Или... этот хвостун просто напрашивается на комплименты, чтобы в очередной раз порисоваться их «идеальным браком»?

«Ладно, — подумал Цзин Цин. — Сколько лет дружим, подыграю ему».

Он шутливо толкнул его в плечо:

— Да поняли мы, поняли, что твой драгоценный директор Сяо — просто неутомимый гигант. Хватит уже его нахваливать!

— Да где я его хвалю?! — возмутился Сычжоу. — И вообще, почему при слове «собака» вы оба сразу думаете о Сяо Хане? Вы что, тайно в него влюблены?

Друзья переглянулись в немом шоке.

Сычжоу припомнил, как раньше этот влюбчивый Янь Цзяю вечно выгораживал Сяо Хана. И ладно бы только он! Теперь даже Цзин Цин, его верный соратник, кажется, начал переходить на сторону врага.

Нельзя этого допустить. Идеологический фронт не должен пасть!

— Говорю вам, не ведитесь на его благообразный вид! Он только прикидывается приличным человеком, а на самом деле...

Воспоминания о пережитых ночных мучениях и ноющей пояснице мгновенно разожгли в нём праведный гнев. Сычжоу ядовито усмехнулся и процедил сквозь зубы:

—...на самом деле он просто тупой отбойный молоток!

По ту сторону стены упомянутый «отбойный молоток» застыл с каменным лицом.

<http://bllate.org/book/18323/1756531>